

7 декабря 1989 года на свет появился Сатору Годзё. С самого его рождения на черном рынке висело объявление о колоссальной награде за его голову. Годами число желающих прикончить младенца не поддавалось исчислению. Все в клане Годзё жили в вечном напряжении, до смерти боясь, что их драгоценное сокровище — обладатель Шести глаз — погибнет во цвете лет, так и не успев вырасти.

Прошло совсем немного времени, и Сидзуку привели к Сатору. В те дни Сидзука еще не успел принять на себя чужую боль — и тем более увечья, вроде слепоты. Лицо его, пускай и лишенное броской красоты, было безупречно чистым, а глаза отливали глубокой синевой. Но если у Сатору Годзё они сияли первозданной, невозможной лазурью бесконечных небес, то у Сидзуки они походили на пучину штормового моря — темные, почти черные на глубине. От одного взгляда на них невольно сжималось сердце.

Сатору с первой секунды почувствовал к нему необъяснимое, инстинктивное притяжение, словно сама судьба велела им встретиться. И все же по-настоящему близкими они так и не стали. Причина крылась в простом: взбалмошный Сатору с пеленок терпеть не мог рамки и правила, тогда как Сидзука рос образцом послушания и педантизма. Он упрямо отказывался менять вежливый тон и продолжал именовать юного господина «достопочтенным Сатору». Эта странная смесь врожденного притяжения и взаимного раздражения надолго заперла их отношения в глухом тупике.

Слава о Сатору гремела по всему магическому миру, а вместе с ним известность приобрел и Сидзука, сопровождавший наследника тенью на каждом шагу. Вот только если Сатору знали как невыносимого, капризного гения, то о его спутнике отзывались совершенно иначе. Старейшины из консервативного клана Дзэнъин снисходительно цедили сквозь зубы о «бабьем мягкосердечии», остальные же превозносили его благородство, кроткий нрав и бесконечную душевную чуткость. Сатору от подобных высокопарных речей всякий раз кривился, точно от зубной боли.

Не то чтобы он считал это притворством. Когда Сидзука, сплошь покрытый чужой запекшейся кровью, с мягкой полуулыбкой признавался, что просто не вынес страданий раненого, и безропотно забирал его увечья себе, Сатору невольно проникался к нему глухим уважением.

Окружение Сатору с самого детства состояло из лицемеров и интриганов. Те немногие, кто защищал его, радели лишь о собственной выгоде, которую сулил союз со всемогущим ребенком. Даже собственные родители без тени сомнения отдали его на воспитание совету старейшин, безумно счастливые тем, что породили «Наследника Шести глаз». В таком порочном мире бескорыстие Сидзуки, готового помогать ближним без всякой задней мысли, казалось невероятной, пугающей аномалией.

Но уважение уважением, а приторная безгрешность Сидзуки по-прежнему вызывала у Сатору нервную дрожь. Тот напоминал ходячее изваяние святого, под глазами которого наклеили фальшивые бумажные слезы — искусственность сквозила в каждом его жесте. Будь он бездушным мраморным памятником, Сатору, пожалуй, испытывал бы куда меньше раздражения.

Разумеется, назвать Сидзуку лицемером язык не поворачивался. Слишком уж чудовищную цену ему приходилось платить за свое милосердие — никто не станет калечить себя ради дешевой маски. Если бы в какой-то момент Сатору не вышел из себя и властно не отрезал: «Твоя жизнь принадлежит мне, не смей разбрасываться ей», Сидзука давно бы погиб, надорвавшись под тяжестью чужих страданий. Но все-таки... уф!

А-Эр прекрасно видел метания своего юного подопечного. С точки зрения игрока, едва загрузившегося в этот мир и сразу приставленного к едва научившемуся лепетать Сатору, все душевные терзания мальчика были видны как на ладони. Как он мог их не замечать?

А потому А-Эр рассудил просто: не стоит лишний раз мозолить глаза будущему сильнейшему магу. Он старался держаться в тени, безвылазно занимаясь своими делами в личных покоях. Сам Сатору из-за феноменальной силы получал ранения крайне редко. Но даже если бы беда случилась, их комнаты находились рядом — этого расстояния с лихвой хватило бы, чтобы прибежать и забрать его боль.

Однако в тот день все пошло наперекосяк. Видимо, Сатору, предвкушая скорое поступление в Магический колледж, отчаянно нуждался в ком-то, с кем можно поделиться восторгом. Без предупреждения он ворвался в комнату А-Эра, застав того врасплох прямо посреди работы. Разложенные на столе секретные документы и переписку спрятать уже не оставалось времени.

— Что это у тебя? — лениво поинтересовался Сатору, бесцеремонно сгребая со стола несколько папок. — Клан Дзэн'ин, клан Камо... О, даже наши, Годзё. И... проклятые колдуны?

На самом деле на столе громоздились отчеты из городских больниц, благотворительных фондов, пожарных департаментов и школ. Но Сатору выхватил только то, что касалось непосредственно магического общества.

Сидзука попытался увести разговор в сторону:

— Господин Сатору, вы пришли по какому-то делу?

— Это подождет, — отмахнулся Сатору, не отводя взгляда от бумаг. — Ты мне зубы не заговаривай. Зачем тебе вся эта канцелярия?

А-Эр тихо вздохнул и решил не юлить:

— Я хочу свести к минимуму человеческие жертвы.

Сатору по природе своей не был злым или ограниченным. Даже понимая, какую опасную игру затеял его слуга, он не стал бы мешать. А-Эр спокойно вернулся к своему прерванному занятию — составлению письма для молодого наследника клана Камо.

Сатору заглянул через плечо и ошеломленно хмыкнул. Переписываться с наследником враждебного клана Камо прямо под носом у будущего главы Годзё — какова наглость!

— И это, по-твоему, называется «свести к минимуму жертвы»?

— Разумеется, господин Сатору. Я не настолько глуп, чтобы верить, будто пустые лозунги способны принести мир.

Когда А-Эр только создавал этого персонажа, ему было лень возиться с тонкими настройками, и он просто доверился случайному выбору Системы. Каждая новая личина накладывала свой отпечаток на характер и манеру поведения. Система объясняла это тем, что при переносе сознания одни грани его личности временно приглушались, а другие, напротив, обострялись до предела.

Взять хотя бы его нынешнее воплощение. Сейчас он физически и эмоционально страдал от чужой боли. Для него это было диковинным, захватывающим опытом. В реальном мире — как в прошлой жизни, так и после перерождения — он редко испытывал нечто подобное. Эта странная эмпатия толкала его навстречу чужим страданиям: он охотно принимал на себя чужие раны, а затем с тихим удовлетворением предавался долгому процессу выздоровления.

И все же, каким бы упоительным ни был этот садомазохистский аттракцион, инстинкт самосохранения никто не отменял. А-Эр не собирался бессмысленно губить себя. К тому же жизнь в стенах древнего и жестокого клана Годзё приучила его к предельной осторожности. Постоянное балансирование на грани вызывало у него подспудную тревогу.

«Что делать, когда земля уходит из-под ног? Правильно — взять под контроль все, что сеет хаос и вселяет страх».

В мире ежесекундно кто-то калечился или умирал. А-Эр не страдал манией величия и не надеялся управиться со всей вселенной, поэтому начал с малого — с того, что находилось на расстоянии вытянутой руки. В последние годы популяция проклятых духов росла с пугающей скоростью. Шаманов катастрофически не хватало, а Три великих клана вместо борьбы с монстрами увлеченно грызлись за власть. Из-за их подковерных интриг гибли талантливые молодые маги, а обычные люди стогрели заживо, так и не дождавшись помощи.

А-Эру требовалось лишь одно: продвинуть вверх здравомыслящих, исполнительных людей и безжалостно выкорчевать старейшин-вредителей, чтобы повысить выживаемость магов на передовой. Это походило на уход за садом: чтобы цветок рос пышным и здоровым, необходимо вовремя срезать гнилые листья и сухие побеги. А если корни сгнили напрочь — пора пересаживать растение в новый горшок.

Кроме того, проклятия рождались из яда человеческих эмоций, а значит, следовало перекрыть сам источник. А-Эр регулярно навещал больницы, приюты и школы. Он не гнушался грязных методов: вымогал средства у зажравшихся чиновников, шантажировал казнокрадов и перенаправлял эти потоки тем, кто балансировал на грани нищеты и отчаяния. Деньги не

купят счастья, но они — отличный щит от безысходности. Утоляя чужую нужду, он планомерно снижал градус коллективной ненависти в округе.

В одиночку провернуть такое колоссальное дело было немыслимо. Пользуясь безграничным авторитетом Сатору, А-Эр оброс нужными знакомствами, переманил на свою сторону слуг и рядовых шаманов из всех трех кланов, соткав невидимую, но прочную паутину влияния. Его уникальный дар — способность забирать чужую боль — превратил его в желанного гостя для сильных мира сего. Богачи и политики, умирая от неизлечимых недугов, готовы были ползать перед ним на коленях ради крупницы облегчения.

— И ты хочешь убедить меня, будто все это — лишь от страха и глупой жалости? — Сатору подался вперед. Его лазурные глаза вспыхнули лихорадочным, почти хищным блеском. В этот миг он походил на кота, загнавшего в угол упитанную мышь.

— Именно так, — тихо ответил А-Эр и опустил ресницы.

На его глаза тут же навернулись крупные, чистые слезы. Черт бы побрал этот шаблон тела с его гиперактивными слезными железами! Разум его оставался абсолютно холодным, просчитывающим каждый шаг, но лицо уже послушно изображало глубокую скорбь.

— Чтобы подарить людям хотя бы призрак счастья, приходится идти на крайние меры.

«Жаль, что нельзя выкорчевать саму систему проклятий под корень. Как-никак, это базовая механика этой вселенной».

Он помолчал секунду и добавил уже вслух:

— Простите, что использовал ваше имя, господин Сатору.

Какими бы благородными ни были его цели, факт оставался фактом: он беззастенчиво прикрывался чужим авторитетом. Пускай Сатору был еще подростком, одно лишь упоминание владельца Шести глаз приводило магов в трепет. Статус личного слуги открывал перед А-Эром любые двери. Если же имя господина грозило обернуться лишними проблемами, парень просто менял личину или посылал вместо себя доверенных марионеток.

Сатору долго молчал, лениво перелистывая страницы отчетов. Недюжинный ум позволял ему на лету схватывать суть вещей, которые другие изучали неделями. Сложив в уме общую картину, он внезапно залился звонким, искренним смехом.

— Ну надо же! А я-то все думал, отчего ты кажешься мне бездушным истуканом! — сквозь смех выдавил Сатору. — Да ты же абсолютно безумен! А ну выкладывай начистоту: когда ты уверял, что принял на себя раны тысяч людей, ты ведь безбожно врал?

Сидзука промолчал.

— Там было под десять тысяч, верно, Сидзу?

Белокурый лазурноглазый Сатору Годзё с пеленок выглядел неземным, божественным созданием — истинным баловнем судьбы, спустившимся с небес. Вот только характер у этого «небожителя» был скверный, и окружающие редко удостаивались его благосклонности. Особенно доставалось Сидзуке, при взгляде на которого лицо Сатору неизменно принимало замысловатое выражение, сотканное из досады и любопытства.

Но сейчас, когда губы Сатору тронула искренняя улыбка, он казался ослепительно красивым. Он впился взглядом в лицо слуги, подмечая тончайшие нюансы: частоту дыхания, едва заметную дрожь ресниц, малейшее изменение мимики. Ни одна деталь не должна была ускользнуть от всевидящих Шести глаз.

— К тому же мое раздражение... Теперь я понимаю. Наверное, дело не только в том, что меня тошнит от праведников. Ты ведь нарочно разыгрывал передо мной эту комедию? Чтобы я держался подальше, не мешал тебе зализывать раны и не путался под ногами, пока ты плетешь свои интриги.

А-Эру оставалось лишь обреченно вздохнуть. Что ж, Сатору попал в самую точку. Просчитав сотни комбинаций, А-Эр упустил из виду одну простую вещь: с какой стати Сатору явился к нему без своего обычного пафоса? Наследник клана привык передвигаться шумно и демонстративно, устраивая переполох среди слуг, и вел себя тихо лишь тогда, когда планировал очередной побег из поместья.

К тому же у дверей покоев Сидзуки всегда дежурила прислуга. А-Эр предпочитал не обременять людей лишними заботами, отличался кротким нравом и давно завоевал искреннюю любовь дворни. Он четко приказал слугам немедленно докладывать о приближении Сатору. По всем законам логики они обязаны были предупредить его, дав ту драгоценную пару минут, которых хватило бы, чтобы запереть все компрометирующие бумаги в сейф.

— И все же, господин Сатору, — мягко прервал его Сидзука, — зачем вы здесь?

— А ты, выходит, совсем забыл? — Сатору весело, по-детски сощурился. — Сегодня у тебя день рождения. Я пришел поздравить тебя. Хотел устроить сюрприз. Слуги, кстати, тоже загорелись этой идеей, потому и молчали как партизаны.

Сидзука онемел.

А-Эр мысленно развел руками. Эффект неожиданности сработал на все сто, вот только радости он не принес — лишь щемящее чувство бессилия. Человеческие чувства вновь оказались абсолютно непредсказуемой переменной. Он мог с точностью до шага просчитать мотивы сильнейшего мага современности, но потерпел фиаско из-за нелепой сентиментальности

челяди. О собственном дне рождения в этом мире он, честно говоря, даже не вспоминал.

Действительно, человек предполагает, а Системы располагают.

Вид растерянного слуги настолько позабавил Сатору, что тот расхохотался еще пуще, до выступивших на глазах слез. А-Эру пришлось примирительно похлопать парня по спине, помогая перевести дух. Разумеется, наследник клана Годзё не пострадал бы от банального приступа смеха, просто привычки этого заботливого тела действовали на автопилоте.

Сатору внезапно затих. Он развернулся, перехватил ладонь А-Эра и мягко прижался к ней щекой. В углах его ресниц все еще блестели капли слез, а на губах блуждала улыбка, но взгляд Шести глаз стал пугающе серьезным.

— Ты извинился за то, что использовал меня. Но скажи честно: даже если тебе действительно жаль, ты ведь все равно не остановишься? Если это принесет результат, если спасет больше жизней — ты снова переступишь через меня, верно?

А-Эр промолчал, не убирая руки.

— Да пользуйся на здоровье, — вдруг хмыкнул Сатору, снова обретая свой привычный беззаботный тон. — Это даже забавно. Ты чертовски интересная игрушка, Сидзу. Не зря я почувствовал что-то странное при нашей первой встрече. Может, мы и в прошлой жизни были знакомы?

— Крайне сомневаюсь, что наши пути пересекались в прошлом, господин Сатору, — мягко ответил Сидзука. — Но если вам так приятнее думать — спорить не стану.

При их первой встрече А-Эр испытал лишь ошеломление от безупречной красоты игровой 3D-модели. И все же глубоко внутри теплилось странное, интуитивное знание: он прибыл в этот мир именно ради этого взбалмошного мальчишки.

Почувствовав привычную уступчивость, Сатору довольно прищурился. Он потерял щекой о его ладонь, словно лапастый домашний зверь, и капризно протянул:

— Скоро я стану сильнейшим. Мое имя будут знать все. А значит, у моего дорогого Сидзу появится еще больше поводов использовать меня. Так что бери от меня все, что нужно, ни в чем себе не отказывай. Но взамен ты будешь вечно принадлежать мне. Слышишь? Никогда не отходи от меня ни на шаг.

— Разумеется, — Сидзука ласково погладил его по белоснежным волосам. — Я ведь ваш личный слуга. И, как уже говорил когда-то, буду оставаться подле вас до самого своего последнего вздоха.

За окном лениво шумела густая летняя зелень, колеблемая знойным полуденным ветром. В полумраке комнаты улыбка Сатору сияла ярче июльского солнца — властная, слепящая и не терпящая никаких возражений.

— Ловлю на слове, — прошептал Сатору. — Мы будем вместе всегда.

<http://bllate.org/book/18335/1760480>